

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Поринец Ю.Ю. Мотив потерянного рая в творчестве Г. К. Честертона // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.75681 EDN: DDDEEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75681

Мотив потерянного рая в творчестве Г. К. Честертона

Поринец Юрий Юрьевич

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра зарубежной литературы; Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Наб. Р. Мойки, 48

✉ porinets2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.75681

EDN:

DDDEEF

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2025

Аннотация: В статье анализируется мотив потерянного рая в произведениях Г. К. Честертона, одного из ведущих английских писателей XX века. Исследование охватывает широкий спектр жанров, включая рассказы, романы, трактаты и эссе, и выявляет значимость этого мотива в творчестве автора. Особое внимание уделяется влиянию поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай» на Честертона. В работе рассматривается специфика функционирования мотива потерянного рая в текстах Честертона, а также его взаимосвязь с другими мотивами, такими как чудо, свобода, любовь, возвращенный рай, идиллические и апокалиптические мотивы. Данный материал позволяет уточнить особенности поэтики Честертона, в частности, мотивную структуру романов и рассказов писателя, и определить место его творчества в контексте английской литературы XX столетия. В статье использован сопоставительный метод. Исследуются произведения Честертона, относящиеся к разным жанрам и периодам творчества автора. Впервые в отечественном и зарубежном литературоведении мотив потерянного рая становится предметом самостоятельного исследования в контексте творчества Г. К. Честертона. В существующих научных работах данный мотив упоминается лишь в рамках анализа

образа сада в романе «Человек, который был Четвергом», проведенного Е. В. Васильевой. Традиционно внимание исследователей сосредоточено не на поэтике, а на идейных аспектах творчества автора. Мотив потерянного рая занимает важное место в творчестве Честертона. Особенность его функционирования в произведениях английского писателя заключается в том, в том, что потерянный рай не является безвозвратно утраченным. Таким образом, трагизм, присущий данному мотиву в европейской литературе, у Честертона преодолевается, что подчеркивает уникальность художественного мира автора.

Ключевые слова:

роман, рассказ, трактат, мотив, эссе, потерянный рай, чудо, идиллия, бытие, влияние

Для Г. К. Честертона мотив потерянного рая является одним из центральных. Он пронизывает все творчество английского писателя, начиная с раннего романа «Наполеон Ноттингхилльский» и заканчивая поздним трактатом «Святой Фома Аквинский». Происходит это не только под несомненным влиянием католического богословия, что подробно рассматривается в научных исследованиях[См. об этом 4, 9, 11-12, 14, 30-31], но и поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай».

Мильтон в восприятии Честертона – один из самых значительных писателей в мировой литературе. Отсылки к Мильтону встречаются в самых разных текстах. Например, в романе «Человек, который был Четвергом» в одном из ключевых моментов повествования присутствует прямое упоминание английского поэта: «Все было светлым, и все обесцветилось, как в том недобром сумраке, который Мильтон назвал обителю солнечного затмения; и Сайм сразу ощутил, что он на чужой, пустынной планете, вращающейся вокруг чужого, печального солнца. Но чем сильнее чувствовал он сияющую печаль озаренного луною края, тем ярче пылало в ночи его отважное безумие» [\[17, с. 214\]](#). (См. в оригинале: «Over the whole landscape lay a luminous and unnatural discoloration, as of that disastrous twilight which Milton spoke of as shed by the sun in eclipse; so that Syme fell easily into his first thought, that he was actually on some other and emptier planet, which circled round some sadder star» [\[33, р. 257\]](#)). Честертон ставит Мильтона в один ряд с Данте, противопоставляя критикуемой им современной литературе: «Теория искусства вне нравственности прочно утвердились в узких творческих кругах. Художники вольны творить что угодно. Они вольны написать «Потерянный рай», где Сатана победит Бога. Они вольны создать «Божественную комедию», где небеса окажутся подземельями ада. Но разве они это сделали? Сумели они при всей своей универсальности создать что-нибудь более великое и более прекрасное, чем пылкие речи жестоких католиков-гибеллинов или суровых и несгибаемых пуританских наставников? Создали они, как нам известно, лишь несколько кружков. Мильтон не только побивает их своим благочестием, он превосходит их и в дерзости. Во всех их маленьких стихотворных сборниках не найти более сильного вызова Богу, чем тот, который ему бросил Сатана» [\[25, с. 418-419\]](#). Честертон хоть и критиковал Мильтона за его пуританизм и включил его поэму в эссе «Хорошие сюжеты, испорченные великими писателями», наряду с «Фаустом» И. В. Гете, «Саломеей» О. Уайльда и «Тангейзером» Р. Вагнера, но тем не менее мильтоновское понимание брака, выраженное в «Потерянном рае», Честертону было во многом близко. При этом Честертон как раз упрекает Мильтона за то, что в его поэме причина грехопадения в том, что «наш прародитель повел себя как хороший муж и настоящий мужчина» [\[21, с.](#)

[472\].](#)

«В определенном смысле Мильтон повредил раю не меньше, чем змий. Он написал великую поэму, но упустил самую суть сюжета. Если я не путаю, простую тягу к запретному плоду он объясняет умно, чувствительно и тонко. Адам у него вкушает от плода сознательно. Он не обманут, он просто хочет разделить несчастье Евы» [\[21, с. 471-472\]](#). Честертон считает, что Мильтон превращает поступок Адама в «романтический жест», в то время как на самом деле в нарушении библейского запрета, по Честертону, проявляется «бездобразное беззаконие, которое отвергает какие бы то ни было границы» [\[21, с. 472\]](#). Для Честертона очень показательно, что он, говоря о Мильтоне, уточняет «если я не путаю», в присущей ему манере. Как всегда, он цитирует и ссылается по памяти [\[15, с. 197\]](#), а его трактовки произведений произвольны и часто связаны не с интерпретацией собственно произведения, а идеей писателя. Так, говоря о Л. Н. Толстом, Б. Шоу, М. Метерлинке, Х. Ибсене, Э. Золя, Честертон никогда не интерпретирует литературный текст, для него автор равен своему мировоззрению, идеям [См. об этом 7-8]. Если он и пишет о самом произведении, то делает акцент в большей степени на картине мира и на особенностях героев. Для Честертона литературный текст был мифом, а не текстом как таковым, недаром в своей книге о Ч. Диккенсе он называет его мифотворцем [\[24, с. 90\]](#). В данном же случае Честертон предельно упрощает трактовку «Потерянного рая», сводя все причины грехопадения у Мильтона к одной, в то время как в поэме причины грехопадения не ограничиваются хорошим отношением Адама к Еве и желанию быть с ней заодно во всем. При этом, несмотря на критику Мильтона за его трактовку грехопадения, Честертон во многом близок ему в понимании и поэтизации брака.

Трактовка Честертоном потерянного рая совпадает с библейской в интерпретации католического богословия. Для него человек, обладающий свободой воли как даром Бога, совершил неправильный выбор, причина грехопадения заключена в гордыне. Рай же – состояние невинности, близости человека к Богу.

Особенно остро для Честертона чувство потерянного рая воспринимается через призму современной цивилизации, утратившей краски, чувство подлинного бытия (как показано, например, в романе «Возвращение Дон Кихота»). Этому посвящен и роман «Перелетный кабак», в котором, как и в романах «Шар и крест», «Человек, который был Четвергом», мотив потерянного рая соединяется с апокалиптическими мотивами. Мотив потерянного рая представлен в «Перелетном кабаке» на разных уровнях. Образ рая обнаруживается даже в строчке песни собаки Квудла: «The fallen sons of Eve» («Падшие сыновья Евы») [\[32, р. 184\]](#) (Перевод наш – Ю. П.). В переводе Г. М. Кружкова это передается крайне прямолинейно. Например, утверждение Квудла «Вас выперли из рая» [\[19, с. 261\]](#) в оригинале отсутствует. Потеря рая и утрата чувства радости земного бытия для Честертона понятия синонимичные. Утрата рая для Честертона – это утрата восприятия радости, чувства «лучшего из невозможных миров» [\[24, с. 256\]](#). Его мировоззрение, которое он определил как «философию феи-крестной» [\[26, с. 555\]](#) предполагает чувство удивления перед миром, подлинности мироздания, восприятия мира как чуда. Это и есть райское видение мира.

Мотив рая неразрывно связан с важнейшим для Честертона мотивом свободы. Именно свободой для него «обусловлены рай и ад, вся таинственная драма души» [\[28, с. 321\]](#). По мнению писателя, свобода человека заключается не только в том, что «он может

разлучиться с Богом, и в этом – величайшее его отличие» [\[28, с. 321\]](#), но и в возможности вернуть райское восприятие мира. Таким образом, в утрате рая нет детерминизма, нет трагедии.

Рай – в любви к Богу. Любовь же к Богу для Честертона начинается с любви к миру. Ограниченност земного бытия, хрупкость не кажутся ему ущербными, напротив, именно в этом он видит возможность для радости и восприятия вечности: «Сама жизнь кажется мне удивительным даром, и я не вправе жаловаться на то, что дивное видение почему-то ограничено; я ведь не постиг самого видения. Рана не стариннее, чем картина. Запрет может быть столь же диким, сколь и дар; он ослепляет, как солнце, ускользает, как река, ужасает и удивляет, как лесные дебри. Благодаря этой вере (назовем ее философией феи-крестной) я никогда не чувствовал того, что чувствовали мои ровесники и называли мятежом» [\[26, с. 555\]](#). Неверным представляется утверждение К. Н. Атаровой, что Честертон перешел от приятия земного к вечному: «Эволюция не минует и самого Честертона. Со временем ему суждено будет усомниться в своих юношеских идеалах, поколебаться в наивном оптимизме, осознать утопичность своих социальных прогнозов; веру в возможность земного рая сменит вера в потустороннее воздаяние...» [\[2, с. 14\]](#). Для него нет противопоставления между небесным и земным, временным и вечным. Иннокент Смит в романе «Жив-человек» страстно объясняет: «Если там на небе действительно есть для меня обитель, то при ней должен быть зеленый фонарный столб или забор, или что-либо не менее предметное, личное, чем зеленый фонарь и плетень. Я хочу сказать, что Господь Бог велел мне любить один уголок земли, обслуживать его и творить во славу этого уголка всевозможные, даже безумные подвиги, дабы этот малый клочок свидетельствовал против всех бесконечностей и софизмов, что рай существует где-то в определенном месте, а не везде, и что он представляет из себя нечто одно, а не все. И я нисколько не удивлюсь, если около небесной обители действительно будет стоять зеленый фонарный столб» [\[16, с. 492\]](#). Таким образом, любовь к земному не противопоставляется любви к небесному, а является ее прообразом. Побывив земную жизнь, человек начинает любить жизнь как таковую, земное и небесное не разделяются, а являются единым целым.

Для Честертона именно красота земного – несомненное свидетельство вечности. В его системе мировоззрения «бытие хорошо не тем, что оно идет к лучшему, а тем, что оно противостоит небытию» [\[1, с.331\]](#). «Каждая вещь увидена Честертоном в состоянии беззвучной и героической самозащиты против обступившего ее небытия» [\[1, с. 331\]](#). Отрицание Бога неизбежно влечет за собой отрицание мира. Об этом прямо говорится в романе «Шар и крест»: «Мы не спорим тогда, когда вы сомневаетесь в существовании рая, но вслед за этим вы отрицаете существование Англии» [\[16, с. 11\]](#).

Отрицание земного бытия в каком-то смысле еще большее богооборчество, чем отрицание Бога. Честертон полемизирует со знаменитым утверждением Ивана Карамазова: «В окончательном результате я мира этого Божьего – не принимаю и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [\[6, с. 211\]](#). Карамазовский бунт заключается в отрицании мира, являющегося творением Бога, в констатации его неправильности, что, по Честертону, влечет за собой и отрицание человека. Все это равняется абсолютному отрицанию Творца. Для Честертона, критиковавшего современную цивилизацию, современное искусство за то, что они отрицают мир, отрицают человека, приятие земного мира, его красоты было первым и важнейшим шагом к приятию небесного, вечного. Честертон не бунтует против мира, он

бунтует против его отрицания. Приятие мира – его ответ нигилизму Ф. Ницше и бунту героев Ф. М. Достоевского, рецепция творчества которого в его произведениях совершенно не изучена, и ей может быть посвящено отдельное исследование. «Бунт против бунта» [17, с. 206], о котором автор пишет по поводу Сайма в романе «Человек, который был Четвергом», – кредо самого Честертона. Герои его романов всегда находятся в героическом, рыцарском походе против тех, кто отрицает мир, бытие. Сайм («Человек, который был Четвергом»), Инносент Смит («Жив-человек»), Патрик Дэлрой («Перелетный кабак») пытаются вернуть себе и всем людям ощущение подлинности собственного существования, красоты мира, значимости жизни, каждого ее мгновения.

Герои Честертона – бунтари, восстающие против пессимизма, возвещающие, что мир прекрасен и чудесен. Инносент Смит в романе «Жив-человек» недаром провозглашает: «Моя революция, равно как и ваша, равно как и всякая революция, совершаемая у нас на земле, закончится в священном, благодатном месте – в райской, сказочной стране – там, где мы были раньше!» [16, с. 478]. Как верно пишет Г. Уиллз: «один из мотивов романа – необходимость революции как возвращения к себе, обретения своей истинной сущности» [34, с. 123] (Перевод наш – Ю. П.). Этот бунт героев Честертона оказал существенное влияние на английский писателей XX века: Ивлина Во, К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкина. Автор «Властелина колец» под непосредственным влиянием Честертона провозглашает некое подобие его бунта – героическое бегство от действительности, что, по Толкину, не означает отрицания реальности и ухода в воображаемый или иной мир, а жизнь, в которой ставится во главу угла ценности вечности – идея спасения и победы над смертью. В трактате «Ортодоксия» Честертон пишет: «Кто-то говорил: «Мой идеал устойчив – он встал вместе с этим миром. Мою утопию не изменишь, ибо имя ее – рай. Можно переменить место назначения, но не место, из которого ты вышел. У того, кто верит, всегда есть повод к мятежу: ведь Бог в сердцах человеческих под пятой сатаны. В мире невидимом ад восстал против неба. Здесь, в мире видимом, небо восстает против ада. Верующий всегда готов восстать; ведь восстание – это восстановление. Всегда, в любой миг, ты можешь восстать во имя правды, которой человек не видел со времен Адама. Добро остается добром; никаким неизменным обычаям, никаким изменениям эволюции ничего с этим не поделать» [26, с. 602]. Таким образом, бунт против бунта оборачивается не только походом в защиту земного бытия, но и стремлением к раю – истинной родине человека, месту, в котором восстанавливается абсолютно подлинное видение мира.

Рай подлинному противопоставлен искусственный рай. Честертон постоянно актуализирует этот мотив в самых разных текстах. Искусственный рай связан с попыткой заменить утраченный рай чем-то созданным самим человеком, претендующим на самодостаточность. Это может быть эстетская утопия – изображение подделки под бытие, под настоящий рай, рай эстетов, с которыми он постоянно полемизировал. Например, в рассказе «Павлиний дом» из цикла «Поэт и безумцы». В романе «Шар и крест» обманчивая искусственная красота сада, возникающая из дымки тумана, которая была «так прекрасна, словно медленно открывались райские врата» [20, с. 95], и оказывающаяся впоследствии красотой сада сумасшедшего дома, противопоставлена подлинной красоте мира. В рассказе «Разбойничий рай» из цикла о патере Брауне разбойничьим раем называется «современный, деловой, цивилизованный мир» [29, с. 215]. В данном случае слово «рай» использовано в ироническом смысле, это рай для людей, стремящихся исключительно к благополучию и комфорту. Для Честертона идеал жизни, основанный на благосостоянии, это ложный идеал, противоположный идеалу духовному.

Чрезвычайно важным является изображение искусственного рая в рассказе «Потрясающее приключение майора Брауна», открывающего цикл «Клуб удивительных промыслов». Главный герой, «майор Браун <...> с наслаждением обосновался в небольшой аккуратной вилле, похожей, скорее, на кукольный домик, чтобы посвятить остаток своих дней анютиным глазкам и некрепкому чаю. Свою саблю он повесил в маленькой передней (вместе с двумя походными котелками и плохой акварелью) и принялся орудовать граблями в небольшом солнечном садике. Мысль о том, что все битвы позади, приносила ему несказанное блаженство. <...> И конечно, он не поверил бы, что в нескольких шагах от своего кирпичного рая он попадет в водоворот невероятных приключений, какие ему не снились в джунглях или в гуще сражения» [\[22, с. 29\]](#).

Можно предположить, что описание «кирпичного рая» с анютиными глазками в какой-то мере является автопародией Честертона, постоянно воспевавшего в своих произведениях «идеал английского уюта» [\[24, с. 154\]](#), поэтизировавшего быт в противовес современной ему литературе как реалистической, так и модернистской, которые бытовую сторону жизни изображали в критическом ключе. Здесь же писатель показывает типичный для него уютный дом, обычного человека, принадлежащего к категории воспетых им common people [См. об этом 3, 13], но придает описанию ироническое звучание.

Таким образом, в рассказе даже уютный, вполне мирный идеал обрачивается искусственным раем. Вывести героя из его искусственного рая оказывается способным лишь приключение, в процессе которого он влюбляется. Только тогда, когда в мире героя появляется любовь, он выходит за пределы самого себя, ощущает недостаточность замкнутого мирка, в котором живет. И рассказ завершается женитьбой майора Брауна и переживанием существования иной жизни. «Он – человек набожный и потому верит, что конец этих дивных приключений откроется ему в лучшем мире» [\[22, с. 29\]](#).

По Честертону, потеря рая не является невосполнимой. Вновь обрести его возможно при соприкосновении с подлинным бытием, как происходит, например, с Инносентом Смитом («Жив-человек»). Обретение истинного видения мира поэтом Дорианом Уимполом в романе «Перелетный кабак» (имя поэта, ранее бывшего эстетом и авангардистом, выбрано не случайно и является прямой отсылкой к роману О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»). По ходу действия романа он остается один в лесу и ощущает себя Адамом, открывающим мир заново, дает имена тварям, прямо говорит, что на иголках можно посидеть только в раю. В этой сцене трижды повторяется сравнение окружающего героя мира с раем. Поэт впервые сталкивается с миром в его подлинной сущности: «Пока он был занят такими речами и мыслями, с ним и вокруг него что-то случилось. Он писал об этом сотни раз, читал тысячи, но никогда этого не видел. Сквозь гущу ветвей сочился слабый жемчужный свет, намного более таинственный, чем свет луны. Он входил во все двери и окна леса, смиренно и тихо, как человек, пришедший на свидание. Вскоре его белые одежды сменились золотыми и алыми; и звался он рассветом.

Птицы пели над головой своего певца, но старания их пропали втуне. Когда певец увидел наяву, как ясный дневной свет рождается над лесом и дорогой, с ним произошло нечто удивительное» [\[18, с.268\]](#). Возвращенный рай для Честертона – это истинное видение мира, открывающее в свою очередь возможность для восприятия вечности.

В романе «Человек, который был Четвергом» Сайм и другие персонажи в финале оказываются в таинственном саду Воскресенья. По верному утверждению Е. В. Васильевой, «все это совершается в саду, который дарит героям ощущение вновь обретенного дома, рая. Именно этот локус становится местом, где раскрываются все тайны, достигается состояние гармонии с собой и с миром» [5, с. 102]. В образе этого сада, напоминающего райский сад, актуализируется идея семи дней творения, маскарад раскрывает истинную сущность героев. Именно в саду Сайм постигает идею о том, что мир прекрасен в своей непостижимости, происходит преображение видения мира. Верной и важной представляется мысль, что «Честертон развивает мотив не потери, утраты рая, изгнания человека из Эдема, а, наоборот, возвращения, обретения утраченного, восстановления гармонии человека и мира» [5, с. 104]. В подобном ключе мотив потерянного рая раскрывается и в романе «Жив-человек», в котором Инносент Смит отправляется в путешествие по миру для того, чтобы осознать, что лучше его собственного дома и сада нет ничего на свете, он как будто покидает свой сад, земной рай, являющийся прообразом небесного рая, чтобы обрести его заново. Так мотив потерянного рая оказывается тесно переплетенным с мотивом рая возвращенного.

Неразрывно связана с возвращенным раем и любовь. Райское зрение восстанавливается в любви. «Разве что в первой любви мелькнет нам потерянный нами рай», – пишет Честертон [27, с. 52-53]. Для Честертона брачный обет и запрет многоженства, единобрачие есть подобие райского запрета. В «Ортодоксии» он утверждает: «никакие ограничения любви не кажутся мне столь чудными и неожиданными, как сама любовь» [26, с. 556]. Так, Меррел в романе «Возвращение Дон Кихота» видит дочку профессора в момент, когда к ней возвращается вера в смысл мира, вера в добро: «Ее украсило удивление, утраченное в Эдеме и обретаемое на небе, где оно столь сильно, что не угасает вовек» [18, с. 429]. Мотив рая неразрывно связан с мотивом удивления. Довольно часто в произведениях Честертона вместе с любовью героя к девушке возникает ощущение чуда, что предваряет веру в Бога. Атеизм и любовь как будто несовместимы, ощущение радости мироздания приводит к вере, в художественном мире Честертона это является закономерностью. Именно такой путь проходит Тернбулл в романе «Шар и крест». Особый интерес в данном контексте представляет рассказ «Честный шарлатан» из цикла «Пять праведных преступников». В рассказе основная коллизия разворачивается в связи с деревом и садом вокруг него. Связь с образом райского сада здесь является очевидной. Дерево и сад оказываются связаны с давним преступлением, таким образом сад в рассказе символизирует потерянный рай. Но преступление оказывается раскрытым, а один из главных героев рассказа, доктор Джадсон, в финале отказывается от своих скептических по отношению к вере взглядов. Отчасти под влиянием логических аргументов, но прежде всего под влиянием любви. Любовь между мужчиной и женщиной для Честертона – это всегда любовь между Адамом и Евой, возможность для нового рая, в котором природа человека имеет возможность избавиться от греха. Любовь – новый Эдем, возможность возрождения мира и восхождения его к вечности. Именно этот смысл актуализируется в финале рассказа: «На ветке некогда поруганного дерева запела птица, и в тот же миг утренний ветер ринулся в сад, согнул кусты, и, как всегда бывает, когда ветер налетит на залитую солнцем зелень, свет сверкающей волной покатился перед ним. А Энид и Джону показалось, что лопнула какая-то нить, последняя связь с тьмой и хаосом, мешающими творению, и они стоят в густой траве на заре мира» [23, с. 346]. Любовь между мужчиной и женщиной, неразрывно связанная с браком, восходит к образу любви в «Генрихе фон Офтердингене». В романе Новалиса, встретившись с Матильдой и полюбив ее, герой

воспринимает мир вокруг как «настоящий рай» [\[10, с. 64\]](#). Генрих чувствует, что любовь к Матильде раскрывает перед ним вечность, открывает перед ним «целительный рай» [\[10, с. 72\]](#). Следует отметить и несомненную связь мотива возвращенного рая с идиллическими мотивами, не только с описанием рая у Мильтона, но и с описанием земного рая у Данте, которого Честертон необычайно чтил и на которого постоянно ссылался.

Любовь в художественном мире Честертона неизбежно приводит к переживанию мира как земного рая, а чувство земного рая приводит героя к вере и церкви, которая, по образу Мильтона в finale «Потерянного рая», больше, чем рай Адама и Евы.

Библиография

1. Аверинцев С. С. Гилберт Кит Честертон, или неожиданность здравомыслия // Честертон Г. К. Писатель в газете. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1984. С. 329-342. EDN: SWCYYC.
2. Атарова К. Н. Автор и его герой // Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 2002. С. 5-14.
3. Боровинская Т. В. О ценности обычного: концепт common в эссеистическом творчестве Г.К. Честертона // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Четвертых Андреевских чтений (Университет Российской академии образования, январь 2006). М.: Экон-Информ, 2006. С. 76-79.
4. Борхес Х. Л. Честертон // Борхес Х. Л. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. Расследования. М.: Амфора, 2001. С. 394-399.
5. Васильева Е. В. Символика сада в романе Г. К. Честертона "Человек, который был Четвергом" // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 1(33). С. 100-105. EDN: VRVBNL.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XIV. Л.: Наука, 1975. 512 с.
7. Козырева М. А. Субъективность позиции автора в литературно-критическом исследовании Г. К. Честертона "Роберт Луис Стивенсон" // Автор. Герой. Рассказчик: Межвузовский сб. / Под ред. И. П. Куприяновой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. С. 142-148.
8. Козырева М. А. Литературные биографии Г. К. Честертона как авторская жанровая форма // Вестник ТГГПУ. 2010. № 2 (20). С. 156-159.
9. Козырева М. А. Поиск и обретение веры в книгах Г. К. Честертона "Ортодоксия" и "Вечный человек" // Вестник ТГГПУ. Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 136-139.
10. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир, Наука, 2003. 290 с.
11. Писарев Л. В. Проблема идеи восточного пессимизма и кризис рубежа XIX-XX веков в романе Г. К. Честертона "Человек, который был Четвергом" // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 314-319. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00973. EDN: XVJPQDQ.
12. Плахтиенко О. П. Христианство как религия радости и свободы в произведениях Г. К. Честертона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 92-95. EDN: JVATJB.
13. Поринец Ю.Ю. Образ common people в романах Г. К. Честертона // Филология: научные исследования. 2019. № 5. С. 48-53. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.5.30920 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30920
14. Трауберг Н. Л. Честертон в Англии // Честертон Г. К. Неожиданный Честертон. М.: Истина и Жизнь, 2002. С. 7-42.
15. Честертон Г. К., Ливергант А. Честертон о литературе. Вступительная статья,

- составление и примечания А. Ливерганта // Вопросы литературы. 1981. № 1. С. 195-232.
16. Честертон Г. К. Жив-человек // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. СПб.: Амфора, 2000. С. 327-519.
17. Честертон Г. К. Человек, который был Четвергом // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. СПб.: Амфора, 2000. С. 175-326.
18. Честертон Г. К. Возвращение Дон Кихота // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 349-504.
19. Честертон Г. К. Перелетный кабак // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 145-348.
20. Честертон Г. К. Шар и крест // Честертон Г. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. СПб.: Амфора, 2000. С. 5-144.
21. Честертон Г. К. Хорошие сюжеты, испорченные великими писателями // Честертон Г. К. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. СПб.: Амфора, 2000. С. 471-474.
22. Честертон Г. К. Потрясающие приключения майора Брауна // Честертон Г. К. Клуб удивительных промыслов. Неведение отца Брауна. Мудрость отца Брауна. Недоверчивость отца Брауна. М.: Профобразование, 2001. С. 9-29.
23. Честертон Г. К. Честный шарлатан // Честертон Г. К. Охотничьи рассказы. Поэт и безумцы. Рассказы. Пять праведных преступников. Парадоксы мистера Понда. Ненапечатанные рассказы. М.: Профобразование, 2001. С. 318-346.
24. Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 2002. 352 с.
25. Честертон Г. К. Еретики // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 411-508.
26. Честертон Г. К. Ортодоксия // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 509-650.
27. Честертон Г. К. Святой Франциск Ассизский // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 7-102.
28. Честертон Г. К. Святой Фома Аквинский // Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 305-410.
29. Честертон Г. К. Разбойничий рай // Честертон Г. К. Все расследования отца Брауна. М.: Иностраница, Азбука-Аттикус, 2016. С. 204-215.
30. Milward P. G.K. Chesterton // The Chesterton Review. 2003. 29 (3). P. 375-385.
31. Allit P. Catholic converts: British and American intellectuals turn to Rome. Ithaca: Cornell University Press, 1997. XIV. 343 p.
32. Chesterton G. K. The flying inn. NY: John Lane Company, 1914. 320 p.
33. Chesterton G. K. The Man Who Was Thursday // The selected works of G. K. Chesterton. L: Wordsworth Editions Limited, 2008. P. 223-347.
34. Wills G. Chesterton, Man and Mask. N.Y.: Sheed and Ward, 1961. 243 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Мотив потерянного рая в творчестве Г. К. Честертона»

Предметом исследования является один из ключевых мотивов художественной и публицистической системы Г. К. Честертона — мотив потерянного рая, прослеживаемый в широком контексте его творчества — от ранних романов до философских трактатов. Автор ставит задачу выявить связь данного мотива с библейской традицией,

католическим богословием, поэмой Дж. Мильтона «Потерянный рай» и общей философией Честертона, основанной на категории «удивления» и «радости бытия». Исследование опирается на широкий круг источников, включая художественные тексты, критические эссе, теологические работы и сопоставительные наблюдения над влиянием Мильтона, Данте, Достоевского, Толкина и других писателей.

Методологическая база статьи сочетает элементы историко-литературного, компаративного и герменевтического анализа. Автор системно рассматривает библейские и мифopoэтические аллюзии, выявляет параллели между текстами Честертона и классическими произведениями мировой литературы, а также анализирует трансформацию религиозно-философских идей в его художественном мире. Исследовательская стратегия логична и последовательна: от выявления истоков (Мильтон, католическая экзегеза) — к рассмотрению поэтики мотива рая в конкретных произведениях, затем — к его философскому осмыслению. Особенно ценным является анализ внутренней эволюции мотива — от утраты к возвращению рая, что позволяет проследить сквозную идею «бунта против бунта», характерную для миропонимания Честертона.

Актуальность статьи определяется возрастающим интересом современной гуманитарной науки к религиозным основаниям европейской культуры и литературе католического ренессанса XX века. В отечественном честертониане тема утраченного и возвращённого рая освещена фрагментарно, тогда как данное исследование восполняет существенный пробел, вводя в научный оборот новые наблюдения и интерпретации. Кроме того, в эпоху глобального кризиса ценностей обращение к философии радости и веры Честертона приобретает мировоззренческое значение, что повышает общекультурную значимость статьи.

Новизна работы заключается в комплексном осмыслении мотива рая как синтеза теологического, эстетического и этического начала. Автор впервые столь подробно рассматривает соотношение милтоновского и честертоновского понимания грехопадения, а также показывает, что для Честертона потеря рая не является окончательной — возможность его возвращения укоренена в любви, вере и способности видеть мир как чудо. Ценным представляется выявление связи между эстетикой Честертона и традицией Данте, а также перекличка с идеями Достоевского и Толкина. Новаторским можно считать и разграничение понятий «истинный» и «искусственный» рай в поэтике Честертона.

Текст написан в академическом стиле, выдержан в логике научного рассуждения. Структура работы ясна и продумана: переходы между разделами плавные, аргументация опирается на богатый цитатный материал как на русском, так и на английском языке. Приводимые примеры из произведений Честертона тщательно подобраны и сопровождаются точными ссылками. Автор демонстрирует глубокое знание контекста, включая как первоисточники, так и современную исследовательскую литературу. Из недостатков можно отметить избыточную плотность цитирования, что местами затрудняет восприятие текста, а также недостаточную выделенность собственных аналитических выводов — они нередко растворяются в богатом материале. В некоторых фрагментах можно усилить композиционную связность между отдельными интерпретационными блоками.

Библиографический список обширен (34 позиции), включает русские и англоязычные источники, академические публикации и первичные тексты. Все цитаты корректно атрибутированы, ссылки оформлены по научным стандартам. Особенно положительно стоит отметить использование современных изданий и статей (вплоть до 2020 года), что подтверждает актуальность исследования.

Автор корректно полемизирует с предшественниками — в частности, с К. Н. Атаровой,

уточняя её вывод о «переходе от земного к вечному». Полемика аргументирована, академична и выдержаны в корректном тоне. Отмечено, что Честертон не противопоставляет небесное земному, а соединяет их в едином опыте бытия. Это свидетельствует о самостоятельной позиции автора и умении вести научный диалог.

Выводы исследования логичны и убедительны: мотив потерянного рая у Честертона тесно связан с идеей свободы, любви и способности к духовному обновлению. Рай в его понимании — не место, а состояние души, которое человек может восстановить, возвращаясь к вере и радости мира. Статья представляет несомненный интерес для специалистов по английской литературе XX века, компаративистике, теологии искусства и философии религии, а также для всех, кто изучает взаимодействие религиозного и эстетического мировосприятия.

Статья отличается глубиной анализа, научной добросовестностью и высокой культурологической ценностью. Она демонстрирует зрелый уровень литературоведческого мышления и вносит значимый вклад в отечественное литературоведение. Полагаю, что рецензируемую работу можно принять к публикации без критических замечаний.